

Жан
БОДРИЙЯР

Божественное
левое движение

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Жан Бодрийяр

Божественное левое движение

«Издательство АСТ»

1985

УДК 316
ББК 60.5

Бодрийяр Ж.

Божественное левое движение / Ж. Бодрийяр — «Издательство АСТ», 1985 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-158312-5

Работа французского социолога, культуролога и философа-постмодерниста Жана Бодрийяра (1929—2007) представляет анализ политического ландшафта в контексте массмедийной культуры, электронных коммуникаций и развития технологий, на примере политической жизни Франции с 1977 по 1984 г. По сути, это теория симулякра в том виде, в каком она действует в политической сфере, когда партии, по сути, больше не соперничают друг с другом в идеологическом смысле, политики превращают свои выступления в хорошо просчитанные перформансы, а общество предпочитает зрелище, а не реальное управление. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 316

ББК 60.5

ISBN 978-5-17-158312-5

© Бодрийяр Ж., 1985

© Издательство АСТ, 1985

Содержание

I. Голгофа Союза левых сил	6
Март 1977. Волшебный бой или последняя и решительная флейта[1]	6
Сентябрь 1977. Невеста, кастрированная накануне свадьбы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Жан Бодрийяр

Божественное левое движение

Jean Baudrillard

La gauche divine. Chronique de années 1977–1984

© Éditions Grasset & Fasquelle, 1985

© Перевод. Т. Чугунова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

I. Голгофа Союза левых сил

Март 1977. Волшебный бой или последняя и решительная флейта¹

Призрак бродит по высшим сферам власти. Имя ему – коммунизм. Но и среди самих коммунистов бродит призрак. Имя ему – власть.

Все сфальсифицировано в нынешнем политическом сценарии, тон ему задает имитация революционного напряжения и захвата власти коммунистами (и в целом левыми). На самом деле, за всей этой постановкой, во время которой коммунисты продолжают посвящать себя противостоянию с правыми и тем самым сохранению существующего строя, именно страх перед обладанием власти движет ими и придает новую силу инерции, а позор, сопутствующий революции, стимулирует их к этому. В этом смысле они не одиноки, поскольку политика никому не подвластна; правые силы не жизнестойки так же, как и левые. Коммунисты исторически всегда представляли, вслед за Лениным и провозглашенной им перспективой захвата власти, которой все привержены (и какой они сами считают себя верными), как *политики* и даже профессионалы. В их рядах наиболее очевидны несостоятельность и политическое разложение. Это у них страх перед властью пагубно сказывается на перспективе, о какой заявил Сангинетти² в «Правдивом докладе о последних шансах спасти капитализм в Италии». Суть его в том, что коммунисты придут на смену господствующему классу во властных структурах и в *политическом* управлении капиталом (последние итальянские выборы разоблачили эту *утопию*, все еще подпитываемую старым циничным идеализмом классовой борьбы).

Откуда у коммунистов это бессилие, эта своего рода кастрация? Кто оскотил их? Благодаря какому такому волшебству они всегда терпят неудачу, приблизившись к цели, и ведь не из желания бросить кому-то вызов, как тот бегун на длинные дистанции³, который, в силу одиночества, решил проиграть и тем самым отрицал правила игры. Нет, здесь дело в ином! Так почему коммунисты неизменно терпят поражение именно тогда, когда до власти им рукой подать, почему, стоит им завидеть бездны власти, отчаянно тормозят, как герои комиксов при виде бездны?

Берлингуэр⁴ заявил: «Не стоит бояться, что в Италии к власти придут коммунисты». Идеал двусмысленного высказывания, поскольку оно может означать:

– бояться не стоит, поскольку коммунисты, если и придут к власти, ничего не изменят в ее основном капиталистическом устройстве;

– нет никакого риска, что они *когда-либо* придут к власти, потому что они этого не хотят.

Но также:

– на самом деле, реальной власти больше не существует, то есть власти как таковой больше нет, и, следовательно, нет риска, что кто-нибудь возьмет ее или отберет у кого-то.

А еще:

---

¹ Перифраз слов Интернационала («Это есть наш последний и решительный бой») и названия оперы Моцарта «Волшебная флейта» (1791). – *Здесь и далее прим. перев.*

² Александр Сангинетти (1913–1980) – французский государственный деятель.

³ «Одиночество бегуна на длинные дистанции» – британский художественный фильм режиссера Тони Ричардсона, снятый в 1962 г. по одноименному рассказу Алана Силлитоу.

⁴ Энрико Берлингуэр (1922–1984) – итальянский политик, секретарь Итальянской коммунистической партии с 1972 г. вплоть до своей кончины.

– я (Берлингуэр) не боюсь прихода коммунистов к власти в Италии, что может показаться логичным, даже очевидным, но на самом деле это не совсем так, поскольку может означать и обратное (и для этого не нужно прибегать к услугам психоанализа): я **БОЮСЬ** прихода к власти в Италии коммунистов (есть веские основания опасаться этого, даже если ты коммунист).

Верно и то, и другое, и третье. В этом секрет высказывания, чья двусмысленность сама по себе является выражением отклонения власти от курса. Налицо невозможность выражения детерминированной позиции, нулевая степень политической воли. Всем партиям наносится ущерб этой обнуленностью, но именно коммунисты самым жестоким образом свидетельствуют об этом уничтожении воли к обладанию политической силой.

Дело о направленном Португальской коммунистической партии «фальшивом» циркулярном документе из Москвы, повествующем о наиболее эффективных способах захвата власти, – невероятная наивность со стороны тех, кто участвовал в данном водевиле. Кто же, как не левые, потерпевшие поражение, мог запустить эту «утку» с целью реанимировать уже давно утраченную политическую энергию коммунистов? Под сенью коммунистических партий в цвету⁵ уже давно не остается ничего, кроме девственных левых, ожидающих, когда их изнасилуют правые. Является ли этот документ истинным или ложным? Это не имеет никакого значения, поскольку очевидно обратное: коммунисты давно *запрограммированы* на то, чтобы не брать власть. Лучшим примером симуляции наступления было бы запустить ложный документ обратного смысла: «Директивы Москвы всем коммунистическим партиям мира о наиболее эффективных способах того, как никогда не прийти к власти».

Чтобы бороться со всеобщей фальсификацией в сфере политики, вращающейся вокруг идеи подрыва существующего порядка вещей Французской коммунистической партией, чтобы бороться с обманом, в котором все соучаствуют, следовало бы ввести в оборот подобную разрушительную фальшивку, такую, какая полностью подорвала бы существующую модель политической симуляции.

А сами коммунисты (ибо все происходит так, будто они это знают) выдвигают разнообразные уважительные причины этого, ссылаясь на баланс сил, «объективную» ситуацию и т. д. Мол, нельзя брать власть в период кризиса (что было бы равнозначно управлению кризисом капитала, а нам хорошо известно, что капитал только и ждет этой управленческой преемственности, см. Сангинетти). Что, конечно, является полным абсурдом, поскольку любой преодоленный кризис не оставляет ни одного шанса для революционной «преемственности».

Есть другое объяснение, опять-таки, тактического плана, но более сложное: если Французская коммунистическая партия придет к власти, то неизбежно окажется перед дилеммой – либо скатиться в полный реформизм, чтобы сохранить свой электорат, и тогда она проиграет социалистам (в более общем случае, в реформистской перспективе левые проигрывают правым, которые гораздо лучше справляются с реформистскими задачами), либо быть обязанной внедрить в жизнь свои революционные перспективы и сразу быть сметенной. Зажатая с обеих сторон, ФКП не имеет иного выбора, кроме как держаться чуть ниже линии власти, где она может представлять *обреченной* на триумф, и, таким образом, сохранить имидж, не делая, однако, ничего, чтобы перепрыгнуть через свою тень в реальность власти, где безвозвратно погибнет. Одновременно это позволяет правым постоянно играть на этой якобы неминуемой победе коммунистов и по инерции сохранять власть. Так работает политический турникет – бесконечный сценарий, в котором ставки сделаны и каждый раз тасуются одни и те же карты.

Однако это все равно не объясняет, почему коммунисты не способны вести политическую игру, то есть брать на себя в политическом смысле разделение средств и целей – основного принципа политики, в которой власть является целью, а средства не важны. Почему они

⁵ Намек на роман Марселя Пруста (1871–1922) «Под сенью девушек в цвету» – вторую книгу цикла «В поисках утраченного времени».

зациклены на средствах и потеряли из виду все цели, почему сосредоточены на промежуточных результатах, на созревании массового сознания, на историческом осознании и т. д. Почему верят только во все это и, стремясь, как и подобает сторонникам сверхкантианской этики, смешать средства и цели, превратив их в нечто однородное, а саму власть в средство, утратили способность брать ее. Они отказались от всякого политического насилия и в силу этого везде и всегда выступают жертвами и лишь поддерживают жалкий миф о массах под пятой эксплуататорской власти. Это единственное содержание всех их речей, их плаксивых и блеющих обвинений, взывающих к чьей-то жалости, к некой инстанции справедливости, к какому-то боже-ству, которое отомстило бы капиталу за его гнет.

Вероятно, у коммунистов никогда и не было тяги к власти. *В качестве коммунистов* у них была только тяга к *бюрократическому* господству, но это вовсе не политическое действие, а лишь карикатура на него.

И все же сталинизм по-прежнему заряжен политическим насилием, потому что выходит за рамки голой и простой *потребительной стоимости* истории, масс, труда и социального. В нем все еще есть нечто от абсурдного *imperium*⁶, вырвавшегося за пределы рациональной финальности социального (ошибочна точка зрения Глюксманна⁷ по поводу террористической логики сталинских лагерей, то есть «трудовых» лагерей, в отличие от нацистских лагерей уничтожения, якобы являющихся более совершенной моделью господства). Вероятно, секрет неудачи коммунистов, их комплекса политического бессилия заключается в том, что после Сталина и его смерти *они все больше ориентировались на потребительную стоимость*, на наивную веру в транспарентность истории и социальных явлений, устранив любое другое измерение, кроме здорового управления делами, в результате чего впали в неслыханную с лучших времен христианства добропорядочность. Утратив то, что было аморальным, чрезмерным в идее революции, которая бросила бы вызов капиталу на почве его вирулентности (а не на почве предполагаемой рациональности), революция коммунистов превратилась в весьма убогое явление, довольствующееся тем, что идет на смену капитала в его бессилии управлять общественными делами. С присущей ему «дикой» этикой капитал не заботился ни о потребительной стоимости, ни о надлежащем использовании социального – он был безумным, безграничным предприятием по упразднению истинно ценностного при постоянно растущем безразличии ко всему и ускоряющемся обращении стоимости. Поскольку капитал это и есть неограниченное господство меновой стоимости. Неверно утверждать, будто капитал противопоставляет символическому и ритуальному порядку собственный рациональный порядок выгоды, прибыли, производства и труда, короче, порядок, состоящий из позитивных целевых установок. Напротив, он навязывает разъединение, детерриториализацию⁸ всего и вся, неумеренное расширение стоимости и столь же иррациональный порядок капиталовложений *любой ценой* (что является противоположностью рационального расчета по Веберу⁹). Рациональность капитала – вздор, ведь капитал – вызов естественному принципу стоимости. Этот вызов не знает границ. Он нацелен на триумф (менной) стоимости любой ценой, и его аксиомой являются инвестиции, а не производство. Все должно быть переиграно, заново пущено в ход. Истинный капиталист не копит, не наслаждается, не потребляет, его производительность – бесконечная спираль, он переводит все производство на последующую производительность,

⁶ Личная власть одного человека (*лат.*).

⁷ Андре Глюксманн (1937–2015) – французский философ и писатель-эссеист, известный склонностью к эпатажу общественного мнения.

⁸ Детерриториализация – процесс, в результате которого социальные отношения компонентов, территория, ее текущая организация и контекст изменяются, мутируют или разрушаются.

⁹ Вебер Максимилиан Карл Эмиль (1864–1920) – немецкий социолог, историк, юрист и политический экономист.

невзирая на потребности, на человеческие и социальные цели. По крайней мере, такой капитализм, без меры и без морали, доминировал с XVIII по начало XX века.

А марксизм – лишь деградировавшая его разновидность. Социализм – не диалектическая форма, превосходящая капитал, это лишь деградировавшая, общедоступная форма социального, форма, *морализированная* политэкономией (которую Маркс свел к *критическому* изменению, отчего она утратила иррациональное, аскетическое измерение, на которое все еще указывает в своей «Протестантской этике» Вебер), а сама политическая экономия полностью *морализирована потребительной стоимостью*.

Добрая *политическая* (а не только экономическая) совесть укрылась в потребительной стоимости. Необходимо пересмотреть это понятие и обсудить его заново в еще более жестоком аспекте, нежели на уровне предметов и товаров. На уровне всего социального. Ведь на этот раз на карту поставлена потребительная стоимость социального, *социальное как потребительная стоимость*.

Диалектическая радуга, так долго освещавшая марксистское понятие товара и сакральный горизонт стоимости, разбилась, и в ее осколках сегодня мы можем увидеть, как обстоит дело: потребительная стоимость не только ничего не означает, она к тому же функционирует как гильфик для политической экономии (надо заметить, Маркс в определенной мере понял это, но этого не осознал впоследствии никто из претендующих на звание его преемников, поскольку социализм, идеи революции и конца политической экономии ориентируются на превосходство потребительной стоимости над меновой, а это означает: прощай торговое отчуждение человека, все в мире преобразовано концепцией потребительной стоимости – от потребительной стоимости предметов до сексуальной потребительной стоимости собственного тела и вообще всего социального, что в итоге отсылает каждого к собственным «потребностям»). Однако дело обстоит еще хуже: концепция потребительной стоимости – это *деградировавшая форма меновой стоимости*. Потребительная стоимость – форма экономики, в которой больше нет веры ни во что; это нейтральная, упраздненная фаза, основанная лишь на чистой полезности, положившей конец бредовому, бесконечному процессу рыночного обмена и превращению всего на свете в деньги, самое возвышенное что только есть в мире (данное превращение – процесс, он, как известно, завораживает каждого, целыми сообществами, тогда как использование предмета, его функция, его польза, потребность в нем и т. д. лишь «интересуют» каждого в отдельности и притом в силу какого-то состояния вечной покорности). Когда объект, существо, идея обрели потребительную ценность (свою функцию и т. д.), все уже завершено, наступает полная энтропия; потребительная ценность подобна теплу из второго закона термодинамики – САМАЯ НИЗКАЯ ФОРМА ЭНЕРГИИ.

Коммунисты верят в потребительную стоимость труда, социального фактора, материи (их материализм), истории. Они верят в «реальность» социального, реальность классов и классовой борьбы, реальность чего угодно. Верят во все, они хотят верить во все, в этом их глубокая этическая составляющая. Именно это лишает их всякой возможности политического действия.

Они больше не верят в священный горизонт видимости: революция как раз и есть то явление, которое хочет покончить с видимостью. Они верят только в ограниченный горизонт реальности. Верят в управление вещами и в эмпирическую революцию, которая последовала бы за ходом времени. Верят в связность и преемственность времени. Но не понимают ничего из того, что является самой сутью политики – чрезмерность, безнравственность, симуляция и обольщение. Это делает их тупыми, глубоко увязшими в своем умственном формализме. В более конкретном плане это делает их непригодными к захвату или удержанию власти. Коммунисты превратились в этаких управляющих потребительной стоимостью жизни, технократов среднего класса с муниципальной улыбкой на лице и не без по-провинциальному округлого брюшка («средние классы» – результат исторического одомашнивания и отупления с помощью потребительной стоимости). «Пролетариат» дрался на уровне жестокости меновой стоимости

и ее обобщенной системы, то есть на революционном уровне капитала, поставив на кон собственную бесчеловечную меновую стоимость. Сегодня мы слышим со стороны левых сил одни лишь инфантильные причитания о том, что нужно все больше потребительной стоимости (что представляет собой идеологию среднего класса), а социализм и коммунизм являются выражением этого упадка доминирующих ценностей капитала и краха политической игры.

Коммунисты стали исключительно теоретиками и практиками правильного *использования социального* через правильное использование политической экономии и пали еще ниже, чем капитал. Они способны лишь возглавлять распределение наиболее деградировавшей формы закона стоимости.

Это и есть конец диалектики. Завершение известного марксистского обещания.

«Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно так же, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий»¹⁰.

Это неверно, поскольку диалектика перешла, вернее, – и это инфантильная болезнь марксистской теории, – никогда не переставала быть на капиталистической стороне. Невозможность коммунистов взять власть, их фобия власти показывает со всей очевидностью историческую неспособность пролетариата совершить то, что в свое время сумела осуществить буржуазия – революцию.

Когда буржуазия кладет конец феодальному строю, она ниспровергает один порядок и определенный код социальных отношений (права, дарованные рождением, честь, иерархия) и заменяет их другими (производство, экономика, рациональность, прогресс). Именно потому, что буржуазия осознает себя как *класс* (не как *орден* или *сословие*; «третье сословие» – это термин, присвоенный ей), то есть как нечто радикально новое, как принципиально иная концепция социальных отношений, она может расшатать существующий *кастовый* порядок.

Пролетариату же нечего радикально противопоставить порядку классового общества. В отличие от буржуазии, разыгрывающей собственную партию (экономика), навязывая свой код, «пролетариат» утверждает, будто освобождается во имя производства, то есть что те понятия, во имя каких буржуазия *освободила себя* как класс, те же самые, во имя которых пролетариат *отрицал бы себя* как класс! Такова пагубность диалектики, которой буржуазия заразила ею пролетариат. Буржуазия не «преодолеывает» «диалектически» феодальный порядок, она его подменяет беспрецедентным порядком ценностей – экономика, производство, класс, – то есть антагонистическим кодом, не идущим ни в какое сравнение с феодальным кодексом. И ее реальная стратегия заключается в том, чтобы загнать пролетариат в ловушку классового *статуса*, даже *классовой борьбы* – почему бы и нет? – ведь класс – это код, на который у буржуазии имеется монополия: буржуазия – единственный класс в мире, – если ей удастся заставить пролетариат признать себя классом, *даже если он будет отрицать себя в качестве такового*, то она одержит над ним победу.

Реальная смена власти, которую осуществляют (а первой уже осуществляют) коммунисты и левые силы, вовсе не та, о какой заявляет Сангинетти в своем «Правдивом докладе» для того, чтобы разоблачить ее. Она гораздо более мрачная и хитроумная: *коммунисты когда-нибудь придут к власти для того, чтобы скрыть тот факт, что власти больше не существует*. Это, следовательно, не будет ни ниспровержением капитала, ни революцией капитала против самого себя, а просто вырождением и резорбцией политического движения и любого политического насилия в обществе, преданном исключительно массовым играм симуляции¹¹.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Нишета философии. Собр. соч., изд. 2, т. 4, стр. 65–185.

¹¹ В плане революционности коммунистов все, конечно, представляется иначе, и тут есть о чем поговорить. Между безнравственностью, которая была присуща капиталу и которая является главной движущей силой осуществления власти, с одной стороны, и, с другой стороны, неизлечимой нравственностью, отныне запрещающей коммунистам осуществлять политическую власть (исторически они отнюдь не исключают друг друга), пролетариатом XIX века был проложен другой путь – любовой

вызов власти путем смерти во время разгрома восстаний, и особенно в годы парижской Коммуны. Маркса упрекали в том, что он интересуется борьбой рабочих, только когда они терпят поражение («Классовая борьба во Франции», «18 брюмера», «Коммуна»). Но Маркс – далеко не дурак! Ведь, когда субъект истории разгромлен, борьба рабочих начинает представлять интерес. На сей раз (единственный) Маркс аморален и в разрушении того, что ему дороже всего – в разрушении этой линейной, или диалектической конечности Разума, в этом победоносном пролетарском Разуме он что-то предчувствует. Возможно, в глубине души Маркс просто понимал как абсурдность этого, так и абсурдность захвата власти? Наверное, он знал больше о том, что такое власть, ощутил в воздухе появление Ленина и Сталина и за восходящим расчетом истории догадался, что сокрушение «класса» (бессмысленное сокрушение класса-субъекта, прямо сейчас, не дожидаясь разумного сокрушения правящего класса) все еще является единственно возможным вызовом. По сути, хороший пролетариат, как и хороший индеец, бывает только мертвым. Но это верно и в другом смысле, смертельном для любой власти и любой бюрократии. В определенные моменты истории пролетариат играл на собственное уничтожение (против самого Маркса, ср. Парижская коммуна), и это в обмен не на настоящую или будущую власть, а против любой власти. Это не вписывается ни в какую диалектику, вечно невыразимую, но где-то эта энергия смерти проявляется сегодня в высмеивании всех институтов, в том числе революционных, которые думали ее похоронить (*Примеч. авт.*).

Сентябрь 1977. Невеста, кастрированная накануне свадьбы

Левые подобны Пулидору¹²: не щадя себя продвигаются к победе, то есть к власти под рукоплескания восторженной толпы, но, когда наступает момент триумфа, сбавляют скорость, отступают в тень, в оппозиционную нишу. Подобны они и Эвридике, которая, стоило Орфею, то есть власти, обернуться, чтобы взглянуть на нее, тотчас вернулась в подземный мир, где над ней, девственницей и мученицей, издеваются призраки тиранов.

Однако довольно о велоспорте и мифологии. Является ли разочарование 23 сентября следствием политического провала или лишением нас реального исторического результата выборов? Сама растерянность правых – любопытный симптом, свидетельствующий об их неспособности воспользоваться тем, что должно было бы составить их победу, но не составило, поскольку ставка в этом предвосхищаемом сценарии победы и разложения левых, – это именно *предвосхищение*, опережение сценария на определенный исторический срок, что так же смертельно для правых, как и для левых, поскольку является концом любой стратегической перспективы. Весь политический класс потрясен этим возвратом политического к имитации, с которой ничего не может поделать ни одна из имеющихся сил, ни безмолвная масса, ведь все манипулируют всеми, но ни о ком нельзя сказать, что он управляет процессом симуляции (возможно, что на уровне «безмолвной массы» происходит нечто иное).

Каждая из сторон обвиняет другую в показном разъединении во имя объединения в нужный момент, то есть в наличии стратегии. Но это лишь приманка для толпы. В действительности, правые и левые, взятые целиком, играют *совместно* на мнимое различие, работают *совместно* на сохранение модели политической симуляции, и этот стговор намного перевешивает стратегии каждой из сторон. Более того, в этой системе симулированного раздора, разубеждения, являющейся также стратегией мирного сосуществования на глобальном уровне, вообще нигде нет никакой стратегии, а есть некая судьба, поглощающая всех нас, судьба неизбежного производства социального и утраченного *посредством* социального. (Мы инвестируем в это производство социального подобно необратимому идеалу, даже для того, чтобы бороться с ним). В этой системе тактического распределения труда отступление одной из партий (ныне левой) – своего рода предательство, удар ниже пояса, промах, поскольку ведет к прекращению политического инвестирования, то есть определенное количество энергии не попадает в сферу усвоения социального, что является поражением для всех. В общем, левые ведут себя дурно. Они позволяют прихоть раскола внутри себя по пустякам, тогда как их настоящая роль, от которой им не уйти, – стать надежными, крепкими партнерами в игре политического равновесия и сбалансированности с правыми, быть хорошим проводником социального электричества (как тут не усмотреть сочетание советской власти и электричества в определении социализма, подобно сочетанию зонтика и швейной машинки на хирургическом столе).

Но, с другой стороны, можно сказать (и самое удивительное в данной истории то, что все гипотезы возможны одновременно, что как раз и определяет сегодня политическое [или конец политического]: то есть чередование вращающихся в невесомости разнообразных гипотез, ни одна из которых не отменяет другую, циклическое наложение друг на друга и взаимодействие всех моделей, но ведь именно эта *антигравитация*, это не поддающееся определению явление захватывает, потому что оно кладет конец всякой стратегии и всякой политической рациональности). Если почти везде в мире возникает подобная проблема перехода власти к левым как некоего всеобщего поворота к «социализму», как коренного изменения манеры жить и думать, то это не традиционное неожиданное осложнение, состоящее в том, что правые силы,

---

¹² Рэмон Пулидор (1936–2019) – французский шоссейный велогонщик, победитель Вуэльты Испании 1964 г. Восемь раз он получал серебро в Тур де Франс, считаясь главным неудачником этой гонки с прозвищем Вечно второй.

будучи измотанными властью, на время уступают ее левым, чтобы те пришли им на смену и послужили «правлящему классу» в качестве временного приводного ремня. Левые силы как исторический протез правых (что также не лишено смысла). Это еще одна гипотеза в основе сочинения Сангинетти о лучших способах сохранения капитала в Италии.

Но если согласиться с тем, что сегодня основной вопрос уже не о капитале, а о социальном факторе, и единственной тактикой восстановления социального, ускоренного производства социального является дискурс кризиса, то становится ясно, что левые в силу того, что были порождены и вскормлены *критической мыслью*, навязжут себя власти в качестве наиболее достоверного представителя, последовательного воплощения, верного зеркала кризиса. Власть будет передана левым силам уже не с целью разрешения реального кризиса (его не существует), а для управления *дискурсом* кризиса, критической фазы капитала, которая не имеет конца, поскольку будет происходить в области социального.

Если бы нам нужно было сохранить что-либо от Маркса, то это было бы следующее: капитал производит социальное, это его основное производство, «историческая функция». И великие фазы социального, конвульсии и революции совпадают с восходящей фазой капитала. Когда объективные определяющие факторы капитала затухают, социальное не обгоняет его диалектически, оно тоже рушится, так же как реальному умирающему соответствует бескровное воображаемое. Это то, что мы наблюдаем сегодня – левые силы умирают той же смертью, что и власть.

Но можно также сказать (все те же «обратимые» гипотезы), что правые силы после определенного периода власти рискуют привести к стагнации, к вырождению социального (участия масс и т. д.). Единственное средство – повторное впрыскивание, передозировка политической симуляции в агонизирующем социальном организме. Революция в гомеопатических дозах выдается по капле левыми, которые таким образом принимают эстафету в производстве социального, подобно профсоюзам, навязавшим себя обществу тем, что обеспечили преемственность капитала в окончательном обобществлении труда. Однако удалось ли им этого добиться?

Парадокс этого пришествия социализма и левых в том, что оно *слишком запоздало*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.